

Черноволосый юноша в снегу наконец потерял терпение. Ему надоело гадать о значении этого смеха, и он взмахнул топором, направляя его в сторону шеи клоуна.

— Убей его! — прошептал Мяо Фан в машине.

Сюй Минлан, однако, нахмурился, потому что клоун, с усилием, словно одноколесный велосипед обладал магической силой, отпрыгнул назад, и лезвие топора лишь проскользнуло по белому воротнику, оставив небольшую царапину.

Чжоу Сюэжун цокнул языком.

Клоун посмотрел на свой воротник, и смех внезапно прекратился. Чжоу Сюэжун не расслаблялся, готовясь нанести второй удар.

Клоун снова улыбнулся, но на этот раз он слез с велосипеда, и его руки, покрытые трескающейся краской, медленно сняли шляпу...

— Плохо! Клоун что-то затевает... Я должен выйти! — Сюй Минлан яростно дернул ручку двери, но она не поддавалась. Он с досадой схватился за волосы.

Его гнев был вызван не только собственной беспомощностью. Он злился на то, что Чжоу Сюэжун, зная об опасности, самовольно вышел из машины. Видя эту странную сцену, он чувствовал раздражение и страх, боясь, что в следующий момент Чжоу Сюэжуна могут убить.

Странно, но все это было лишь его воображением, однако оно казалось настолько реальным, словно он видел это во сне.

Клоун, словно выступая на сцене, медленно снимал шляпу, наслаждаясь вниманием зрителей. Когда шляпа была полностью снята, под ней оказалась лишь туго затянутая сетка для волос.

На голове клоуна ничего не было.

Хотя это была явная насмешка, все в машине вздохнули с облегчением. Клоун снова надел шляпу и сделал жест, словно смеясь, но звука не было, как в старом немом кино.

Чжао Дунсян наконец выбрался из подушек безопасности, и странная сцена за окном вызвала у него запоздалый страх и жалобы, но Сюй Минлан и Мяо Фан не обратили на него внимания.

Е Цзявэнь с самого начала сидела, сжавшись в кресле. Ее мысли были заняты тем странным местом и неопишуемым голосом. Она не сказала остальным, что получила свои деньги, но теперь поняла, что это была награда за пройденное испытание. Однако, несмотря на это, она все еще сталкивалась с неизвестным страхом.

Сколько еще придется ждать, чтобы вернуться домой? Сможет ли она вообще вернуться?

Е Цзявэнь не находила ответа. Она чувствовала, что предыдущие события истощили всю ее храбрость, и теперь у нее не осталось сил.

Услышав крики с переднего сиденья, она почувствовала зависть. Через щель между сиденьями она заметила, что окно рядом с Чжао Дунсяном не было заблокировано.

— Дядя Чжао, твоя дверь, кажется, открывается...

Чжао Дунсян сначала потер лоб, но не двинулся.

Сюй Минлан протиснулся вперед. Чжао Дунсян, поняв намек, пересел на пассажирское сиденье, бормоча что-то о том, как молодежь легко справляется, но никто не обратил на это внимания.

Сюй Минлан нажал на ручку и открыл дверь. Перед тем как выйти, он обернулся:

— Я пойду помогать Чжоу Сюэжуну. Будьте начеку, если что-то пойдет не так, бегите и прячьтесь.

Е Цзявэнь вдруг начала:

— Лан-гэ... — но замолчала.

Сюй Минлан обернулся.

Глядя на его растрепанные волосы и усталые, но полные решимости глаза, она проглотила вопрос: «Сможем ли мы вернуться живыми?» и вместо этого улыбнулась.

— Ничего. Будь осторожен.

Сюй Минлан кивнул и, выскользнув из машины, спрятался за обломками повозки, пытаясь подобраться к клоуну сзади.

Мяо Фан вдруг почувствовал странную горечь и обернулся к Е Цзявэнь:

— Ты с Сюй Минланом на «ты»?

Е Цзявэнь покачала головой, но придвинулась ближе к Мяо Фану, заставив его выругаться. Она прижалась к окну, внимательно наблюдая за Сюй Минланом.

Она думала, если бы он знал, что они, возможно, никогда не вернутся, сохранились бы в его глазах тот же свет?

***

Юй Хаохуай редко чего-то боялся. Когда он работал в полиции, он держал в руках оружие и не раз стрелял в преступников. Его рука всегда была твердой.

Но, глядя на спину маленького мальчика, он почувствовал недоброе предчувствие. Цао Цзин, однако, явно не разделяла его опасений. Она кричала имя мальчика, словно он был ее сыном.

— Перестань кричать, это не твой сын! — Юй Хаохуай запрыгнул на круп лошади позади Цао Цзин, пытаясь развязать веревку. — Подумай логически! Как твой сын мог оказаться здесь?

Веревка глубоко врезалась в одежду Цао Цзин, и короткие ногти Юй Хаохуая быстро покрылись кровью, но веревка не поддавалась.

Быстрое вращение лошадей вызывало у Юй Хаохуая тошноту, но он продолжал действовать. Однако его терпение иссякло через несколько секунд, и он отвернулся, чтобы вырвать, в то время как крики Цао Цзин становились все громче.

— Аааааа, Лэлэ!! Мама здесь! Подожди меня! Я спасу тебя!!

Юй Хаохуай, сдерживая раздражение, различил в криках женщины слабый голос. Когда он поднял голову, маленький мальчик обернулся. Вопреки ожиданиям, это было обычное детское лицо, искаженное страхом и слезами.

Мальчик плакал:

— Мама, мама!

Для матери это было жестоким испытанием.

Юй Хаохуай тоже чувствовал себя не лучше. Он считал, что полицейский должен делать то, что обычные люди не могут, но сейчас он был бессилен помочь.

— Аааааа, мама, спаси меня!! — крик мальчика стал пронзительным.

Внезапно голова лошади перед мальчиком вытянулась, словно змея, и стала обвивать его тело.

Цао Цзин, увидев это, чуть не потеряла сознание. Юй Хаохуай тряс ее, пытаясь удержать в

сознании.

— Не дергайся, я пытаюсь развязать веревку! — Юй Хаохуай схватился за одежду Цао Цзин, пытаясь ослабить веревку. После нескольких попыток ему удалось просунуть руку в щель и начать тянуть...

Цао Цзин почувствовала, как оковы ослабевают, и, почти на инстинктивном уровне, соскочила с лошади, бросившись к мальчику.

Юй Хаохуай вздохнул с облегчением, но внезапно почувствовал, как веревка обвивает его ногу. Он тут же спрыгнул с лошади и, выбрав момент, соскочил на землю.

На быстро вращающейся платформе Цао Цзин изо всех сил пыталась освободить мальчика из плена лошади.

Юй Хаохуай видел это, но понимал, что одними ее силами мальчика не спасти. Однако мысль о возвращении на платформу пугала его неизвестностью. В замешательстве он крикнул:

— Спускайся! Ты не сможешь его спасти!!

Если бы у Цао Цзин были силы, она бы бросила в него ботинком, сказав, что это все ерунда.

Но в тот момент она вдруг согласилась с его словами. Крики мальчика становились все тише, и она боялась взглянуть на его лицо. Возможно, Юй Хаохуай был прав. Она не могла спасти Лэлэ и себя.

— Мама... мне больно...

<http://bllate.org/book/15403/1361421>